

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. И. ВОЛЬШЕРТ

ПОЛЬСКО-РУССКИЙ ЭПИЗОД «ФОБЛАСА» И ПУГАЧЕВСКАЯ ТЕМА У ПУШКИНА

Роман Луве де Кувре «Любовные приключения кавалера Фобласа» («Les amours du chevalier de Faublas», 1787—1790), как известно, нашел заметный отклик в творчестве Пушкина. Роман хранился в библиотеке поэта¹, имя Фобласа не раз упомянуто Пушкиным в поэзии и прозе 1820-х годов, в его творчестве встречаются реминисценции из «Фобласа». В «Евгении Онегине» имя Фобласа упомянуто в связи с аспектом круга чтения и литературной «образованности» героев поэмы («Она любила Ричардсона / Не потому, чтобы прочла, / Не потому, чтоб Грандисона / Она Ловласу предпочла», VI, 569)², а также в связи с проблемой дон-жуанизма («Его ласкал супруг лукавый / Фобласа давний ученик», VI, 10), («Смепон, конечно, важный модник / Систематический Фоблас», V, 337), («Мне жалок нежный их угодник / Систематический Фоблас», VI, 337). В подобном же контексте упомянут «Фоблас» и в «Романе в письмах»: («Охота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами», VIII, 1.55).

Следы воздействия «Фобласа» на Пушкина можно обнаружить в поэтике стихотворных повестей, построенных на «галантном» анекдоте, а также в разработке Пушкиным острого сюжета, в частности мотивов «переодетого мужчины» («Домик в Коломне») и «добротного разбойника» («Капитанская дочка»). Поэтому вызывает удивление тот факт, что тема «Пушкин и Луве де Кувре» до сих пор не привлекала внимание исследователей³. Одним из интересных, на наш взгляд, аспектов этой темы является анализ связи польско-русского эпизода «Фобласа» с творчеством Пушкина.

Польско-русский эпизод «Фобласа» представляет собой несколько обособленный фрагмент, своеобразную «вставную новеллу», отличающуюся по стилю и духу от всего романа. Возвышенно-чувствительный тон «новеллы», лишенной малейшего намека на фривольность, контрастирует с галантно-игривым стилем всего произведения. Будучи относительно изолированным («вкраплением») в роман, «польская новелла» связана, однако, с основным повествованием важной сюжетной функцией: в ней раскрывается тайна происхождения Софи, жены Фобласа.

«Польская новелла» — это рассказ знатного поляка, барона Ловзинского, о его юности, цель которого побудить Фобласа помочь ему в поисках похищенной в младенчестве дочери. Фоблас клянется разыскать Дорлиску, не подзревая, что это и есть его возлюбленная Софи. Эклектичность, характерная для всего романа Луве де Кувре, свойственна и «польской новелле», в которой переплелись черты семейной хроники, исторической повести и «готического» романа.

В «новелле» нашел отражение один из драматических моментов европейской истории XVIII в. — первый раздел Польши. В центре эпизода — борьба польских конфедератов за независимость, война с Россией, расчленение Польши. Юный герой «новеллы», потомок древнего рода, волею судьбы оказывается между двумя враждующими

¹ Vie du Chevalier de Faublas, par Louvet de Coupevray, Paris, 1813; в библиотеке Пушкина хранились также и мемуары Луве де Кувре о французской революции: Mémoires de Louvet de Couvray, député à la Convention Nationale, avec une notice sur sa vie, des notes et des éclaircissements historiques, Paris, 1823.

² Все цитаты из Пушкина даются по изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I—XVI и справочный том. Изд-во АН СССР, 1937—1959 (с указанием в скобках римскими цифрами тома и арабскими — страницы).

³ В книге Б. В. Томашевского «Пушкин и Франция» «Фоблас» упомянут один раз при перечислении французских «галантных» романов конца XVIII в. Томашевский и Б. В. Пушкин и Франция, Л., 1960, стр. 142.

лагерями: узы дружбы связывают его со ставленником Екатерины II, польским королем Станиславом Понятовским, а узы родства — с одним из вождей конфедератов, отцом его невесты Лодоиски графом Пулавским. Вначале Понятовскому удается убедить друга в спасительности для Польши «русской ориентации», но затем Ловзинский решительно переходит на сторону конфедератов. По настоянию Пулавского Ловзинский возглавляет «операцию» по похищению короля, что должно было, по их расчетам, привести к усилению позиции конфедератов. Однако в последний момент, терзаемый муками совести, он отпускает короля на свободу. Все события «новеллы» изложены с позиции сторонника конфедератов, что соответствовало и политике Франции, решительно противодействовавшей в то время усилению России в Восточной Европе.

В романе звучат имена Екатерины, Мазепы, потомка знаменитого гетмана, визиря Оглу и, что для нас самое интересное, Пугачева. После разгрома конфедератов Ловзинский и Пулавский, спасаясь от русских, переодевшись сначала в крестьянскую, а потом в рыбацкую одежду, стремятся достичь Турции, исконного врага России. По дороге они оказываются втянутыми в действие, связанное с пугачевским восстанием. Поскольку они одеты рыбаками, они «вынуждены перевозить на другой берег Днепра отряд русских солдат, которые отправлялись для соединения с маленькой армией, высланной против Пугачева»⁴. Когда же до них доходит вести о победах русских над турками, о взятии Бендер и Очакова, о завоевании Крыма, о поражении и смерти визиря Оглу (115), Пулавский, которого по приказу Екатерины за попытку похищения польского короля разыскивают как опасного преступника, подумывает о том, чтобы примкнуть к Пугачеву: «Пулосский, пришедший в отчаяние, хотел пересечь большое пространство, отделявшее нас от Пугачева, и примкнуть к этому врагу России» (116)⁵.

Хотя в историческом эпизоде «Фобласа» и допущен ряд забавных анахронизмов (например, завоевание русскими Крыма — 1783 г., взятие ими Очакова — 1788 г. и восстание Пугачева — 1773—1774 гг. совпали во времени), в нем обнаруживается и некоторое знакомство автора романа с фактическими материалами. Во французской печати широко освещались события в Польше, публиковались отдельные документы, письма конфедератов и т. д.⁶ Хотя мало-мальски серьезные исследования, подводящие итоги бурного пятилетия, будут написаны лишь в начале XIX в., небольшие «брошюры», освещающие события, появляются уже в 1770-х годах. Из них, по-видимому, и почерпнул Луве де Курве такие факты истории Польши, как похищение короля Станислава Понятовского, роль графа Пулавского в борьбе конфедератов, сведения о его дальнейшей судьбе (в «Фобласе» рассказывается о его участии в войне американских колоний против Англии и героической смерти в рядах американских республиканцев). Такими источниками могли послужить анонимные брошюры о Станиславе Августе, в которых упоминалось имя Пулавского. Например, в специальной брошюре, посвященной «злодейскому» похищению польского короля, приводились обстоятельства этого события, совпадающие до деталей с картиной, созданной Луве де Курве. По приказанию регементаря Пулавского, похищение возглавляет некий Козинский (в романе — Ловзинский), который в конце концов сам становится «спасителем» короля⁷.

В другой брошюре, написанной уже с позиции конфедератов, говорилось о «твердости» Пулавского и «совестливости» конфедерата, возглавившего похищение короля: «Один Пулавский показал больше твердости для защиты свободы своего отечества. Он предпринял для того самый смелый план, в котором и успел бы, если бы ему лучше помогали: надобно было похитить Понятовского среди Варшавы и получить самые выгодные мирные условия для отечества под защитою этого знаменитого пленника. Заговор приведен в исполнение без большого труда, и Понятовский похищен, не получив ни от кого никакой помощи; но совестливость того, кто взял на себя это дело, не дала королю попасть в руки Пулавского, который с таким заложником вскоре предписал бы законы победителям»⁸.

⁴ Луве де Курве. Любовные похождения кавалера Фобласа. СПб., 1903, стр. 114. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.

⁵ Пулаский, Пулавский, Пулосский — одна и та же фамилия (Pulawski), в различной огласовке и транскрипции.

⁶ Повышенный интерес к Польше характерен для Франции с момента избрания польским королем в 1733 г. зятя Людовика XV Станислава Лещиньского, которого с помощью России польская шляхта вскоре лишила трона.

⁷ См.: Обстоятельное известие о злоумышлении противу его величества короля польского Станислава Августа, происходившем 1771 года ноября 3, октября 24 дня. Переведено с немецкого. Печатано в Санктпетербурге 1772 года (36 стр.).

⁸ Записка о частной жизни Понятовского и размышления о настоящей войне. Пер. с франц. А. Н. Шемякина. М., 1871. В преуведомлении переводчик сообщает, что ему не удалось установить автора и дату анонимной переводимой французской записки, которая, судя по содержанию, была написана в середине 1770-х годов.

Сама идея как-то связать польских конфедератов с пугачевским движением могла быть также подсказана Луве де Кувре материалами, печатавшимися во французских газетах, о пленных конфедератах, которые находились в Казани и после взятия города Пугачевым примкнули к нему⁹. Французская пресса преувеличивала роль польских конфедератов в пугачевском движении, которая в действительности была весьма скромной. Сведения по этому вопросу чаще всего шли из Польши, их авторами иногда были сами пленные конфедераты, возвращающиеся на родину¹⁰.

«Пугачевский эпизод» французского романа для русского читателя должен был представлять определенный интерес. Не случайно в первых двух русских переводах «Фобласа» крамольные упоминания о Пугачеве были опущены¹¹.

По-видимому, Пушкин не прошел мимо этого эпизода. Уже во время первого знакомства с романом Луве де Кувре, когда он еще и не помышлял о создании «Истории Пугачева», польский эпизод «Фобласа» мог вызвать у Пушкина интерес «русской» проблематикой, неожиданным введением «пугачевской темы», забавными анахронизмами, интригующей историей о похищении польского короля.

Когда же созрел замысел «Истории Пугачева» и Пушкин начал кропотливую и тщательную работу по подготовке материалов, русско-польский эпизод «Фобласа» должен был приобрести для него новое актуальное значение. Во всяком случае и сам Пулавский, и эпизод похищения Станислава Понятовского, и факт перехода польских конфедератов на сторону Пугачева упомянуты Пушкиным в его примечаниях к «Истории Пугачева». По мнению Г. Блока, интерес к семье Пулавских появился у Пушкина именно в связи с чтением «Фобласа»¹².

О польских конфедератах, примкнувших к Пугачеву, как выше уже отмечалось, много писалось во французских и польских заметках. Так, граф Ржевуский в «Воспоминаниях старого шляхтича» рассказывал: «По занятии Казани Пугачев узнал, что в городе находится несколько сот польских конфедератов. Он сделал им смотр и тех из них, которые были большого роста, брал к себе на службу, а малорослых, признавая неспособными к службе, отпускал на волю. Таким образом, многие из них, пользуясь смятением, бывшим тогда по всей России, успели прорваться в отечество»¹³.

Вопреки утверждениям некоторых польских мемуаристов о заметной роли конфедератов в пугачевском движении, они, оказавшись в лагере Пугачева, «не пользовались там никаким влиянием»¹⁴. «Бывшие при самозванце ближайшие сказывали, что они не примечали того, чтоб когда-нибудь приходили оные конфедераты к Пугачеву», — доносила Екатерине Оренбургская секретная комиссия¹⁵.

В центре внимания Пушкина не судьба Казимира Пулавского («похитителя короля»), а младшего брата, Антония Пулавского, который действительно находился в плену в Казани и которому молва приписывала службу у Пугачева. Пушкин позаимствовал сведения о том, что Антоний Пулавский сражался какое-то время на стороне Пугачева, из книг Кастера и Феррана, в которых утверждалось, что Пулавский, проникнутый ужасом перед жестокостью Пугачева, вскоре его покинул. Это ошибочное утверждение попало в «Историю Пугачева»: «Пугачев следовал по течению Волги. Иностранцы, тут поселенные, большею частью бродяги и негодяи, все к нему присединились, возмущенные польским конфедератом (неизвестно, кем по имени, только не Пулавским, последний уже тогда отстал от Пугачева, негодюя на его зверскую свирепость) (IX, 1, 74). На самом же деле Антоний Пулавский сражался в отряде Михельсона *против* Пугачева, о чем Павел Потемкин докладывал императрице. Екатерина в ответ писала: «Что же касается до Пулавского, то есть ли он в службы наши, по письму к нему графа Браницкого, которое к вам генерал Потемкин перешлет, остаться не хочет, то я его отпускаю в отечество его, похваляя весьма труды его противу злодеях»¹⁶.

В примечаниях к «Истории Пугачева» Пушкин упоминает и старшего брата, героя романа Луве де Кувре Казимира Пулавского: «Их было три брата. Старший, известный дерзким покушением на особу короля Станислава Понятовского; меньший с 1772 года находился в плену и жил в доме губернатора, которым он был принят, как родной» (IX, I, 116). Заметим в скобках, что Казимир Пулавский оказался связанным с Россией еще одной нитью: его дочь, в замужестве Колюбякина, была матерью генерал-лейтенанта сенатора Николая Георгиевича Колюбякина. «Нам случилось слышать от него об его присхождении: мать его была дочь конфедерата Пулавского, зна-

⁹ См., «Courier du Bas-Rhin», 16 fév. 1774; 15 jan. 1774.

¹⁰ См. «Gazette d'Utrecht», 21 juin 1774.

¹¹ См.: Приключения Шувальев де Фобласа. Пер. с франц. Александра Леванды при участии И. А. Крылова и А. И. Клушина, ч. 1—13, СПб., 1792—1797. Пропуски на стр. 166—167 части третьей. Жизнь кавалера Фобласа. Сочинение г. Лувета Кувре. М., 1805. Упоминание о Пугачеве на стр. 193 части третьей частично опущены, частично искажены.

¹² См. Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. Изд. АН СССР, 1949, стр. 156 (в дальнейшем: Блок Г.).

¹³ «Русский архив». Год 14-й, 1876, кн. 2, стр. 451.

¹⁴ Блок Г., стр. 175.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Русская старина», 1875, май, стр. 119.

менитого похищением Станислава Понятовского, и родилась в Америке, где ее отец дрался за освобождение колоний от английского владычества»¹⁷, — вспоминали В. В. Казнаков и Е. И. Якушин.

Следы интереса Пушкина к «Фобласу» заметны не только в «Истории Пугачева», но и, как нам представляется, в «Капитанской дочке», некоторые ситуационные эпизоды которой перекликаются с «польской новеллой» романа Луве де Кувре.

Так, молодой герой «новеллы» оказывается неожиданно услугой незнакомцу, как в дальнейшем выясняется, страшному разбойнику, татарину Титзикуану, который в свою очередь спасает героя от смерти, вырывает его возлюбленную из рук ревнивца «тюремщика», принуждающего ее стать его женой, и устраивает счастье влюбленных. Этот эпизод невольно вызывает в памяти знаменитый «тулупчик» Пугачева и его трехкратную «милость». Сходство простирается до отдельных деталей: «Я люблю свадьбы» (100), — говорит Титзикуан (ср.: «Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем») (VIII, I, 350). Или рассказ Лодюски о мучениях, которым ее подверг «злодей»: «Более месяца протомилась я в ней (башне. — Л. В.), без огня, без света, почти без платья; мне давали только хлеб и воду; постелью мне служила соломенная циновка, 97) (ср.: «На полу, в крестьянском оборванном платье, сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрепанными волосами. Перед ней стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба») (VIII, I, 355).

В обоих произведениях суровые отцы, не дающие согласия на брак детей, горько корят юного «изменника», завязавшего «дружбу» с «разбойником»: «Несчастный, ты предал родину... Недоставало только, чтобы ты подружился с разбойниками» (98), — восклицает Пулосский (ср. со словами отца Гринева: «Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками...») (VIII, I, 370). И в «Фобласе», и в «Капитанской дочке» героя ждала бы неминуемая гибель, если бы не самоотверженность верного слуги и неожиданная «милость» великодушного монарха, прощающего невольного «изменника». После провала попытки его похищения польский король обращается к Ловзинскому: «Ну, друг мой, обними меня; более почетно, нежели выгодно, поцеловать короля, — прибавил он, смеясь. — Однако, надо сознаться, что многие монархи не поступили бы так, как я. Он уехал, а я остался смущенным величием его души» (108). Похожая ситуация возникает и при встрече Маши с Екатериной, которая, даря прощение Гриневу, ободряет ее улыбкой: «Марья Ивановна приняла письмо дрожащей рукой, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала» (VIII, I, 370).

Хотя расположение персонажей в «польской новелле» и в «Капитанской дочке» во многом симметрично (влюбленный герой, стойкая невеста, верный слуга, «злодей», помогающий согласия героини на брак, «милостливый правитель», «добрый» разбойник, суровый отец), это сходство не является существенным, подобную схему можно встретить во многих фольклорных и литературных обработках мотива «добротного разбойника», и в частности, в романах В. Скотта.

Но есть в этих произведениях и более существенное сходство: и тут и там изображаются гражданские войны и «смуты», переплетаются линии «семейной хроники» и истории, главный герой оказывается между двумя враждебными станами, важное место занимает тема «невольной» измены. Однако и это сходство, по существу, лишь мнимое. Роман Луве де Кувре в основе своей «антиисторичен». В нем нет ни глубокого осмысления событий, ни раскрытия всей сложности обстановки Польши эпохи первого раздела, ни верных картин народной жизни, нравов и характеров. История дана в духе «готического романа»: преступления, страсти, заговоры — ее основные двигатели, горящие башни, злодейские удары кинжала, подземелья — ее атрибуты. Ходящие герои произносят длиннейшие возвышенно-чувствительные монологи, слуги говорят тем же языком, что и господа¹⁸.

Луве де Кувре не был исключением, таков был общий уровень исторических описаний в XVIII в.

Понадобился весь грандиозный опыт бурных событий последующего тридцатилетия, весь гений Вальтера Скотта, чтобы исторический роман оформился как значительный литературный жанр.

Пушкин, как известно, освоив и творчески переработав многие достижения «шотландского волшебника», в «Капитанской дочке» создал высокий образец исторического романа: «Краткий по размерам, быстрый по рассказу, предельно ясный по стилю, насыщенный гениальными образами и четкой, ищущей мыслью, пушкинский роман непроходимой пропастью отделился от питавших его романов В. Скотта»¹⁹.

¹⁷ «Русский архив». Год 12-й, 1874, кн. 2, стр. 957.

¹⁸ Например, разбойник Титзикуан обращается к Ловзинскому с изысканно-куртуазной речью: «Такой храбрый человек, как ты, должен быть великодушен; даруй мне жизнь, друг, не добивай меня, а, напротив, помоги мне встать и перевяжи мою рану. Он просил пощады таким необыкновенным и благородным тоном, что я не стал колебаться и сошел с лошади» (44). При этом свои речи он постоянно прерывает «страшной» клятвой, которая, по мнению автора романа, по-видимому, должна характеризовать «восточного» человека: «Клянусь своей саблей» (99).

¹⁹ Я к у б о в и ч Д. П. «Капитанская дочка» и романы Вальтера Скотта. Пушкин. Временник. 4—5, М., Изд. АН СССР, 1939, стр. 169.

Высмеивая нелепости исторических романов, анахронизмы, фальшивую «экзотику» фальсификации, Пушкин как главное требование выдвигает понимание характера народной жизни и верность фактам²⁰. В его произведениях 30-х годов виден новый подход к истории, понимание внутреннего движения, диалектики исторического процесса, социального смысла столкновений, народности — всего того, что входит в понятие «пушкинского историзма» — крупнейшего достижения русской мысли 30-х годов. С этой точки зрения польско-русский эпизод «Фобласа» должен был восприниматься Пушкиным как один из первых шагов на пути к овладению историческим методом, как незрелое и наивное историческое описание.

Однако сама попытка Луве де Кувре ввести современную историю на страницы романа, связать частные судьбы с историческими, поставить возможность личного счастья героев в зависимость от решающих исторических столкновений была ценной и плодотворной. В ней предвосхищалась одна из магистральных линий европейской литературы XIX—XX вв.

²⁰ См.: «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“», «Юрий Милославский или русские в 1612 году», «Джон Теннер», «О романах В. Скотта».

*Известия
Академии наук СССР*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

**серия
литературы
и языка**

ТОМ 33

1974

